

УДК: 165.9

ПРОБЛЕМА ИСТИНЫ В СВЕТЕ ЕЕ АРХАИЧЕСКИХ ИСТОКОВ В МИФЕ

С. В.Фёдоров

***Аннотация.** В данной статье предпринята попытка раскрыть архаическое понимание истины, отраженное в древних мифах и ритуалах. Автор исходит из гипотезы о том, что архаика начинается с проведения границы между животным и человеческим в человеке. Эта граница отражена в космогонических мифах, в которых показано жестокое убийство первопредка в виде зверя. Убийца и перевозверь, жрец и жертва оказываются одним лицом. Подобная двойственность характерна и для ритуальной жизни человека архаики. Вслед за С. З. Агранович утверждается двойственность человека архаики, символом которой является трикстер. Выдвигается гипотеза о том, что причиной подобной двойственности является постижение сущности жизни человеком в доисторические времена. При совершении жертвоприношения в определенный момент мы отрицаем жизнь как таковую, смотрим на жизнь саму по себе. На фоне небытия жизнь предстает как то, что само порождает себя. Сама по себе жизнь есть то, что порождает и поглощает само себя и все иное. Именно этот взгляд и отражен в древней мифологии. В связи с этим возникает феномен истины, того, что всегда есть, «естина», не течет, не попадает в забвение, «α-λήθεια». То есть истина это выражение сущности жизни, источника всех порождений и смертей. Это предок, мировое древо, яйцо, первосущество, наподобие Пань-Гу, Пуруши, Адама. Истина – это выражение вечной священной, сакральной Родины, которую охраняют, берегут, уважают, почитают («veritas»). Описанием ее является символический миф, в котором показывается чудесность, явленная первожданность вечной Родины и ее порождений. Таким образом, истина в архаике предстала как чувственно данный символ, выражающий жизнь саму по себе, в ее сущности. Постигание истины укрепляло человека перед лицом смерти и стихийности жизни. Сделан вывод о том, что с опорой на онтологизм и субстанциализм архаического понимания истины можно преодолеть современный кризис, выйти из тупиков дефляционизма и субъективизма.*

Ключевые слова: истина, архаика, жизнь, сущность, символ, миф.

Проблема истины в современных реалиях становится особенно актуальной. Субъективизация и релятивизация истины, феноменализм и агностицизм истины стали весьма влиятельными тенденциями в современной философии и науке. Сегодня само понятие, самый феномен истины подвергаются отрицанию. Так, по мнению Ф. Рамсея «... нет особой проблемы истины, но есть просто лингвистическая путаница» [1, с. 104]. М. Даммит пишет о том, что «... мы должны оставить привычную нам идею, что понятия истины и лжи играют существенную

роль в любом истолковании смысла утверждений в целом или же смысла конкретного утверждения» [2, с. 198]. Отказ от понятия истины становится все более влиятельной тенденцией в современной философии и науке. Однако на этом фоне современное человечество переживает глубочайший кризис смысла жизни и деятельности. Истина всегда была высшим ориентиром, спасающим человека; в современной философии сама природа этого ориентира стала чем-то сомнительным. Теряя этот феномен, человек оказывается дезориентированным, он не знает куда идти, так как все дороги оказываются одинаково произвольными, бессмысленными.

В связи с этим мы обращаемся к истокам феномена истины, к архаическому мировоззрению и мифу. Слова «истина», «veritas», «ἀλήθεια» имеют архаические истоки, которые могут пролить свет на суть феномена истины, тем самым прояснить то коренное в нем, что имеет философско-антропологическую значимость.

Рассмотрим общие контуры архаического мировоззрения. Архаика начинается с момента, когда человек начинает выделять себя из животного мира, проводит границу между человеческим и животным. Об этой границе, прежде всего, свидетельствуют космогонические мифы. Они часто изображают творение мира как акт жестокого убийства первопредка в виде зверя, прачеловека или антропоморфа. Из частей его тела создается мир. Таковы мифы о Пань-Гу, о Пуруше и т. д. Вяч. Вс. Иванов и В. Н. Топоров раскрыли космогонический миф на примере поединка Перуна и Велеса, выразителей космоса и хаоса, света и мрака, неба и земли, небесного громовержца и зверя-оборотня в славянской мифологии [3, с. 75]. Велес, по-видимому, выражался в образе медведя, зверя-первопредка. В славянском фольклоре много свидетельств того, что именно медведь воспринимался как первопредок, тотемное животное. Отсюда традиция держать лапу медведя на скотном дворе, выражение «иметь мохнатую лапу» и многое другое. В ходе поединка Перун убивает молнией Велеса и расчленяет его тело. Так создается мир.

Интересны дальнейшие наблюдения исследователей. В. Н. Топоров указывает на то, что есть мифологические свидетельства единства Перуна и Велеса, их синкретизм. Например, в архаическом русском эпосе есть такой персонаж как Волх Всеславич, князь-оборотень. Его отцом является змей, он предводительствует стаей волков. Одновременно с этим его рождение подобно рождению бога-громовержца: в этот момент трясется земля, гремит гром, бушуют волны. Велес и Перун сливаются в одном лице.

Подобное двуединство встречается и во многих других архаических мифах, например, в многочисленных мотивах двойничества, в мифах о двух братьях, о добром и злом божестве. Отсюда возникает вывод о единстве двух антагонистических божеств или о единстве жреца и жертвы. «Убивая и расчленяя Волоса (Велеса), Перун, таким образом, убивает и расчленяет самого себя» [4, с. 31]. Тот же мотив мы находим и в мифологии критского Зевса. Он одновременно является быком и топором (Лабрисом), которым этот бык приносится в жертву. Здесь так же прослеживается «идея отождествления божества, которому приносится жертва, и самой жертвы (т. е. божество тут есть одновременно и жертва)» [5, с. 140].

Подобная двойственность в отношениях между животным и человеческим проявлялась не только в мифе, но и в ритуальной жизни. В архаике мы находим большое внимание к теме табу и жертвоприношений. Табуируются, как правило, физиологические отправления, все, что обладает стимулирующим воздействием по отношению к инстинктивным животным силам в человеке. Все, связанное с животным, в большинстве культур маркируется как «нечистое», «грязное». Как пишет Ж. Батай, «речь всегда идет о том, чтобы установить между собой и звериной природой причудливую дистанцию, изначально, непостижимую, и от этого тем более значительную» [6, с. 52]. Причем, чем более архаическое общество мы рассматриваем, тем большей жесткостью характеризуются табу. Граница между человеческим и животным становится еще более интенсивной в архаических практиках жертвоприношения. Чаще всего эти практики трактуются как попытки умиловить богов, которые гневаются на грехи человека, на нарушения табу. В жертву приносили обычно все, связанное с животной природой – животных, преступников, рабов, чужаков, детей. Либо что-то ценное с точки зрения актуальных потребностей – хлеб, муку, животных, рабов, женщин, детей, других членов семьи или рода. Вместо того, чтобы употреблять ту или иную пищу, блага, действовать в соответствии с природными инстинктами, человек архаики уничтожал эти блага в обрядах жертвоприношения. Это выглядело как настоящее безумие. «Что могло быть безумнее и неадекватнее, чем убийство молодой, здоровой женщины, способной к труду и деторождению, для отправления ее в мир смерти за погибшим мужем?» [4, с. 38]. Является ли адекватным поведение человека, когда он вместо того, чтобы накинуться на пищу в состоянии голода, сжигает эту пищу, долго молится и лишь под конец вкушает ее часть? Но именно это создавало реальную границу между человеческим и животным в человеке. Рубиконом между человеком и животным оказывается архаическая ситуация, в которой табу, жертвоприношение, тот или иной ритуал оказывается насущнее биологической потребности.

Вместе с тем, табу и жертвоприношения, разрывающие связь человека с животным миром, дополнялись в архаике экстатическими празднествами. В ходе праздника снимались все запреты. В архаике это могло приобретать столь же жесткие и гипертрофированные формы, как и табу. Празднества приобретали характер разнузданной чувственности. В античной Греции празднества в честь Диониса сопровождалась буйством вакханок. Участник оргии переступал все запреты, у него «уже не оставалось никакого разума и никакого рассудка, и он впадал в оргазм, в дикий вакхизм, в этот самый дионисийский экстаз» [5, с. 178]. Снятие границ приводило к любым преступлениям. «На Сандвичевых островах толпа, узнав о смерти царя, совершает все те действия, которые в обычное время рассматриваются как преступные – жжет дома, грабит и убивает, женщины же принуждены отдаваться всем подряд» [6, с. 69]. Фактически происходил возврат человека в природное бытие, иногда доходивший до прямого зверства.

В связи с подобной двойственностью, подлинным символом архаического человека, с нашей точки зрения, является трикстер. Трикстер является медиатором, он соединяет миры верхний, средний и нижний, соединяет мир живых и мир

мертвых. Отсюда его необычные свойства – это полуживотное-получеловек, существо всегда двусмысленное, обманчивое, иррациональное, иногда грубое, вульгарное и при этом способствующее объединению разных сторон мира в нечто единое. Он часто проказничает, иногда занимается откровенным злодейством, разрушением космоса, и он же в итоге всегда расплачивается за это и оказывается созидающим началом. Часто трикстер – смеховая фигура, он попадает в комические ситуации, нарушая запреты и границы. Как пишет Е. М. Мелетинский, «такой двойственный персонаж, как культурный герой (демиург) – трикстер, сочетает в одном лице пафос упорядочения формирующегося социума и космоса и выражение его дезорганизации и еще неупорядоченного состояния» [7, с. 186].

Мифы о трикстере удивляют своей парадоксальностью и непрагматичностью. Это огромный пласт древней мифологии, не имеющий к адекватному отражению наличной действительности никакого отношения. Так, например, африканские охотничьи мифы изображают кролика крайне опасным, кровожадным существом. «Хитростью, пообещав вылечить больные зубы, он проникает в рот крупного животного, через глотку проскакивает вовнутрь, сжирает сердце и печень, а затем в туше погибшего зверя прогрызает ход, выходит наружу и исполняет победную пляску» [4, с. 39]. Реалии африканской охоты, естественно, этому не соответствуют. В европейской культуре подобным персонажем является лиса, которой приписывают, не свойственную ей биологически, невероятную хитрость и коварство. «В русской народной сказке лиса не только обманывает и обкрадывает людей (крадет рыбу с воза, сжирает труп старухи), но и губит волка, жестоко насмехаясь над ним» [4, с. 40].

Каковы причины подобной парадоксальной двойственности архаического человека, его мифологии и ритуальной жизни? Зачем понадобились мифы, не имеющие никакого отношения к проблемам эффективного выживания древнего человека? С нашей точки зрения эта парадоксальность является результатом обнаружения человеком глубинных закономерностей жизни, которое произошло в доисторические времена. Первоначальное проведение границы между человеческим и животным оказывается актом отрицания жизни как таковой и, тем самым, обнаружения сущности жизни, ее первопричины. Непосредственный взгляд показывает, что одно существо имеет причину в другом существе, которое его породило. Это второе существо имеет причину в третьем, третье в четвертом и так далее. Однако весь этот бесконечный ряд порождений предстает как нерасчлененный континуум, как поток, в котором все сливается в неразличимость. Но вот, совершая жертвоприношение, мы отрицаем самую жизнь и смотрим на жизнь на фоне небытия. И тут мы начинаем видеть, что сама-то жизнь является (по сравнению с небытием) самопорождением. Она сама себя порождает и сама себя поглощает. Первопредок сам себя приносит в жертву и сам возрождается. Причастность к жизни оказывается причастностью к вечному жертвоприношению и возрождению предка.

Предок расчленяет самого себя и возникает мир, в котором появляются верх и низ, правое и левое, мужское и женское, чистое и нечистое, живое и мертвое, свое и чужое и так далее. Однако все эти стороны мира в экстатическом празднестве, при

проявлении сил порождения, вновь воссоединяются в неразличимое целое. Архаический человек участвует в празднике и входит в экстатическое состояние, вновь переживает мировое единство.

Архаический человек действовал и мыслил, исходя из понимания сущности жизни. В первую очередь его волновали не эмпирические факты, не эффективность его действий в какой-то отдельный момент. В своих мифах он созерцает всю панораму жизни. Его занимала жизнь сама по себе, жизнь как целое. А она оказывалась тем, что «1) само рождает себя, 2) само поглощает себя, 3) само порождает все иное, 4) само и поглощает все иное» [8, с. 429]. Это наблюдение было выражено в космогонических мифах. Противоречивость сущности жизни удачно выражало такое существо, как трикстер. Он наделен творческой силой и, одновременно, он все губит, выступает источником смерти. Все возникает из лона жизни, дифференцируется, человек вносит во все порядок с помощью табу, но жизнь угасает, смерть начинает доминировать. Поэтому возникает потребность в уничтожении всего мира, в обновлении с помощью жертвы и экстатического празднества. Этот переход мы отмечаем по сей день, когда празднуем Новый Год.

Именно в рамках подобного мышления и возник впервые феномен истины. Слово «истина» связано с корнем «est», который передает такие смыслы как бытие, естество, источник. Одновременно этот корень выражает смысл остановки, «стояния», прекращения процесса, выхода из потока. Аналогичный смысл содержится в этимологии слова «αλήθεια». Как заметил П. А. Флоренский, «истина, в понимании эллина, есть α-λήθεια, т. е. нечто способное пребывать в потоке забвения, в летейских струях чувственного мира, – нечто преодолевающее время, нечто стоящее и не текущее, нечто вечно памятуемое» [9, с. 44]. Истина это выход из потока забвения, потока Леты.

Истина связана с тем, что всегда остается стабильным вопреки потоку жизни в его конкретных проявлениях. То есть истина это выражение сущности жизни. А это – жизнь сама по себе, жизнь как самодвижение, то есть предок, вечно умирающий и вновь возрождающийся.

Созерцание отдельных проявлений жизни захватывает человека, будоражит в нем инстинктивные силы. Он либо чрезмерно радуется, увлекается энергией жизни, либо чрезмерно страдает, мучается, терзается, видя приближение смерти. Созерцание сущности жизни, жизни взятой в целом, освобождает человека от этих захватывающих процессов. Во всякой жизни он начинает видеть смерть, и это сдерживает его порывы и страсти. Во всякой смерти он видит жизнь, и это делает его спокойным и свободным, не суетливым.

Человек начинает сосредотачиваться на том, что одновременно полагает и себя и свое иное. Это полагание и оказывается тем, что никогда не преходит, всегда остается, пребывает «естинной», истиной. Это – предок, мировое древо, яйцо, первосущество, наподобие Пань-Гу, Пуруши, Адама. Это может быть водный источник (можно сравнить «истина» и «исток»), который мог обожествляться и бередься у славян.

Сущность здесь оказывается не абстрактным понятием, а живой действительностью, общим первоначалом. Это общее осмысляется как Родина,

породившая человека с его телом и душой, родная для него. Она проявляется как реальная сила, которая движет всем миром, всеми его порождениями и смертями. Жизнь и смерть отдельного человека оказываются нужными этой Родине. Человек начинает чувствовать себя ее частью, жить с ней одной жизнью, которая вечно возвращается. Тем самым он обретает в своей Родине вечный устойчивый смысл. «То, что рождает человека, и то, что поглощает его после его смерти, есть единственная опора и смысл его существования» [10, с. 545].

Истина является выражением этой вечной Родины, характеристикой всего, что с ней связано. Это – то, что находится в центре мира, является священным, сакральным, почитаемым. В связи с этим, латинское слово «*veritas*» (и близкие к нему аналоги в немецком, французском, английском языках) имеет смысл охранения, того, чему верны, преданны, что берегут, уважают, почитают. Ему ближе по смыслу русское слово «вера». Здесь выражен смысл святыни, высшей ценности.

Описанием Родины и всего родного оказывается миф, то есть история о первопредке, богах и героях. Все, что описывается в мифе, воспринимается человеком архаики как абсолютная реальность. Миф переживается максимально интенсивно, истина оказывается данной в чувственных аффектах.

Это описание оказывается весьма своеобразным. С одной стороны, оно изображает конкретных существ, совершающих определенные действия. С другой стороны, все эти существа и действия суть проявления высшей Родины, выражение того бесконечного процесса рождений и смертей, который ей всегда присущ. Это выражение не безразлично к этим отдельным существам, к их образам, поэтому оно не схематично. Вместе с тем оно не безразлично и к высшей общей Родине, поэтому оно не аллегорично. Если бы живые существа, личности в мифе были субстанциально оторваны от Родины, то миф был бы аллегорией. Но здесь мы находим субстанциальное единство частного и общего.

Поэтому миф оказывается символической формой выражения, истина в нем дана как символ. Символ здесь берется в неоплатоническом и шеллингианском его понимании, как органическое, субстанциальное слияние общего и частного, идеи и материи. Символ не есть аллегория, не есть схема. Символ по Ф. В. Й. Шеллингу это «изображение абсолютного с абсолютной неразличимостью общего и особенного в особенном» [11, с. 106]. В символе сущность и ее выражение сливаются субстанциально, дают цельную индивидуальность. В связи с этим Ц. Тодоров, описывая подобное понимание символа у романтиков, выделяет такие свойства символа как нетранзитивность, когерентность, синтетизм, выражение несказуемого, процесс творчества [12, с. 255]. Такова природа мифа, который является описанием единства двух планов бытия, наличного и сущностного.

А. Ф. Лосев, вскрывая суть мифа как символического бытия, пишет о «чуде». Чудо и есть встреча двух планов бытия, наличного и сущностного. Предок, сакральное понимается как первообраз, вечная живая сущность. Профанное – чувственная действительность в ее случайных проявлениях, алогическом течении. А. Ф. Лосев пишет: «...нужно считать удивительным, странным, необычным, чудесным, когда оказывается, что личность в своем историческом развитии вдруг,

хотя бы на минуту, выражает и выполняет свой первообраз целиком, достигает предела совпадения обоих планов, становится тем, что сразу оказывается и веществом, и идеальным первообразом. Это и есть настоящее место для чуда» [13, с. 185-186]. Миф – описание подобного чуда.

В архаике оформленной и осознанной личности еще не было (трикстер это пока еще личность в зачаточном состоянии), поэтому здесь речь скорее должна идти о коллективе. Совершая жертвоприношения, архаический коллектив приобщался к сакральному чудесному символу, через который происходило воссоединение с вечной Родиной, первопредком. Символ оказывался выражением истины.

Приобщение к мифу и символу предка скорее всего происходило как вовлечение. «Первобытный человек, живущий в бесписьменном традиционном обществе, по утверждению этнографов-полевиков, не способен выйти за пределы конкретного ритуального процесса и взглянуть на него со стороны, поэтому в подобном обществе в рамках ритуала нет места для категориальной внеконтекстной речи» [4, с. 182]. Ритуал не объясняли, не анализировали, в него вовлекали. Это было обычной культурной практикой, свойственной и для трудовых отношений. Как пишет С. З. Агранович: «Следует отметить, что многие, даже чрезвычайно сложные трудовые навыки очень долго транслировались, да и сейчас порой передаются без участия вербальных описаний» [4, с. 185].

В связи с этим постижение истины через приобщение к мифу и символу происходило не как вербальная трансляция знаний, а как эмоционально-аффективное вовлечение человека в ритуалы, в контакт с символом. Человек приобщался к символу и его истине как к особой реальности, всегда противостоящей обычному психическому состоянию. Это были ситуации инициации, жертвоприношения, в которых разрушались все полуживотные стереотипы, и человек должен был открыть для себя парадоксальную природу сущности жизни.

Итак, обобщим все вышесказанное. Истина в архаике представала как чувственно данный символ, выражающий жизнь саму по себе, в ее сущности. То есть жизнь как самопорождение, самодвижение. Истина раскрывалась как высшая Родина, первопредок, из которого все происходит и в которого все возвращается. Контакт с этим высшим бытием делал жизнь человека осмысленной, а самого человека бесстрашным перед лицом смерти и стихийных процессов. Человек осознавал, что все, что в нем есть субъективного и объективного (тогда еще не расчлененных), порождено этой высшей Родиной, является ее жизнью в нем. Эта жизнь, взятая сама по себе, есть вечная сущность, которая и есть бытие, «естина», истина. Приобщение к этой сущности происходило за счет вовлечения человека в систему ритуалов, прежде всего, с помощью жертвоприношений. Совершая жертвоприношения, соблюдая табу, участвуя в инициациях, а затем и празднествах, человек освобождался от власти инстинктивных сил, от захваченности ситуативными процессами. Он мог постигать жизнь, взятую в целом, как единую вечную сущность. Явление этой сущности представало в виде сакрального символа, чуда. Описанием этого явления становился миф. Познание истины в связи с этим было не описанием эмпирических фактов, а постижением сущности жизни. Она

представала как то, что само рождает себя, само поглощает себя, само порождает все иное, само поглощает все иное. Отсюда и возникали парадоксальные образы мифологии.

С нашей точки зрения такое понимание истины позволяет преодолеть современный кризис. Можно взять за основу общие контуры этого подхода, которые вовсе не заставляют нас возвращаться к родовому строю или древнему язычеству с его жестокими табу и безудержно-экстатическими праздниками. Можно рассматривать истину прежде всего как онтологический и философско-антропологический феномен, связанный с укорененностью человека в бытии. Истина – это ориентир, указывающий на бытие, источник устойчивости и осмысленности. Истина – это выражение первопричины, которая не зависит от бесконечного ряда других причин, а сама себя обосновывает. Что очень важно, с архаической точки зрения эта первопричина не является какой-то абстракцией. Это объективно-реальное бытие, те фундаментальные стороны бытия, которые связаны с его постоянным самополаганием, самопорождением. Истина – это выражение того, что порождает самого человека с его телом, мышлением и всей его субъективностью. В связи с этим можно отказаться от идеи истины, связанной с корреспонденцией пропозиций фактам. Человеку мало что дает опора на стихийную сторону действительности. Можно ли всерьез именовать истинным то, что фиксируется только в сию секунду, а в следующую становится иным? Истинным должно быть то, на что действительно можно опереться. То есть те стороны действительности, которые являются источником, порождающим самое себя и все иное. В конечном счете, всегда, неизменно истинным является то, что соответствует «превысшей, общечеловеческой Родине, которая есть твердыня добра и истины...» [10, с. 551].

Список литературы:

1. Рамсей, Ф. П. Философские работы / Ф. П. Рамсей. – Томск: Изд-во Том. Ун-та, 2003. – 216 с.
2. Даммит, М. Истина / М. Даммит // Аналитическая философия: Становление и развитие (антология). – М.: «Дом интеллектуальной книги», «Прогресс-Традиция», 1998. – С. 191-212.
3. Иванов, В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей / В. В. Иванов, В. Н. Топоров. – М.: Наука, 1974. – 342 с.
4. Агранович, С. З., Березин, С. В. Номо amphibolos: Археология сознания / С. З. Агранович, С. В. Березин. – Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М», 2005. – 344 с.
5. Лосев, А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии / А. Ф. Лосев // Мифология греков и римлян. – М.: Мысль, 1996. – 975 с.
6. Батай, Ж. История эротизма / Ж. Батай. – М.: «Логос», «Европейские издания», 2007. – 200 с.
7. Мелетинский, Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос. Цикл Ворона / Е. М. Мелетинский. – М.: Наука, 1979. – 230 с.

8. Лосев, А. Ф. Самое само / А. Ф. Лосев // Миф – Число – Сущность. – М.: Мысль, 1994. – С. 299–526.
9. Флоренский, П. А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. А. Флоренский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 640 с.
10. Лосев, А. Ф. Жизнь / А. Ф. Лосев // «Я сослан в XX век...»: в 2 т. – Т. 1. – М.: Время, 2002. – С. 504-554.
11. Шеллинг, Ф. В. Философия искусства / Ф. В. Шеллинг. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.
12. Тодоров, Ц. Теории символа / Ц. Тодоров. – М.: Дом интеллектуальной книги, Русское феноменологическое общество, 1998. – 408 с.
13. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. – М.: Мысль, 2001. – 560 с.

S. V. Fedorov

**THE PROBLEM OF TRUTH IN THE LIGHT OF ITS ARCHAIC
ORIGINS IN MYTH**

Annotation. This article attempts to reveal the archaic understanding of truth, reflected in ancient myths and rituals. The author proceeds from the hypothesis that the archaic begins with the drawing of a boundary between the animal and the human in man. This boundary is reflected in cosmogonic myths, which show the brutal murder of the first ancestor in the form of a beast. The murderer and the first beast, the priest and the victim, turn out to be one person. This duality is also characteristic of the ritual life of archaic man. Following S. Z. Agranovich, the article affirms the duality of the archaic man, whose symbol is the trickster. A hypothesis is put forward that the reason for such duality is the comprehension of the essence of life by man in prehistoric times. When making a sacrifice, at a certain moment we deny life as such, we look at life in itself. From the point of view of non-existence, life appears as something that generates itself. Life itself is that which generates and absorbs itself and everything else. It is this view that is reflected in ancient mythology. In this regard, the phenomenon of truth arises, that which is always there, "истина", does not flow, does not fall into oblivion, «α-λήθεια». That is, truth is an expression of the essence of life, the source of all generations and deaths. This is an ancestor, a world tree, an egg, a primal being, like Pangu, Purusha, Adam. Truth is an expression of the eternal sacred, sacred Motherland, which is guarded, cherished, respected, revered ("veritas"). Its description is a symbolic myth, which shows the miraculousness, the manifested primeval nature of the eternal Motherland and its offspring. Thus, truth in the archaic was presented as a sensually given symbol, expressing life in itself, in its essence. Comprehension of the truth strengthened a person in the face of death and the spontaneity of life. It is concluded that relying on the ontologism and substantialism of the archaic understanding of truth, it is possible to overcome the modern crisis and to get out of the deadlocks of deflationism and subjectivism.

Keywords: truth, archaic, life, essence, symbol, myth.

References

1. Ramsey, F. P. *Filosofskie raboty* [Philosophical works] / F. P. Ramsey. – Tomsk: Izd-vo Tom. Un-ta, 2003. – 216 s.
2. Dummett, M. *Istina* [Truth] / M. Dummett // *Analiticheskaya filosofiya: Stanovlenie i razvitie (antologiya)* [Analytical philosophy: formation and development (anthology)]. – M.: «Dom intellektual'noj knigi», «Progress-Tradiciya», 1998. – S. 191-212.
3. Ivanov, V. V., Toporov V. N. *Issledovaniya v oblasti slavyanskih drevnostej* [Research in the field of Slavic antiquities] / V. V. Ivanov, V. N. Toporov. – M.: Nauka, 1974. – 342 s.
4. Agranovich, S. Z., Berezin, S. V. *Homo amphibolos: Arheologiya soznaniya* [Homo amphibolos: archeology of consciousness] / S. Z. Agranovich, S. V. Berezin. – Samara: Izdatel'skij Dom «BAHRAH-M», 2005. – 344 s.
5. Losev, A. F. *Antichnaya mifologiya v ee istoricheskom razvitii* [Ancient mythology in its historical development] / A. F. Losev // *Mifologiya grekov i rimlyan* [Mythology of the Greeks and Romans]. – M.: Mysl', 1996. – 975 s.
6. Bataille, G. *Istoriya erotizma* [The history of erotism] / G. Bataille. – M.: «Logos», «Evropejskie izdaniya», 2007. – 200 s.
7. Meletinsky, E. M. *Paleoaziatskij mifologicheskij epos. Cikel Vorona* [Paleoasian mythological epic. Raven cycle] / E. M. Meletinsky. – M.: Nauka, 1979. – 230 s.
8. Losev, A. F. *Samoe samo* [The Very Oneself] / A. F. Losev // *Mif — Chislo — Sushhnost'* [Myth — Number — Essence]. — M.: Mysl', 1994. — S. 299-526.
9. Florensky, P. A. *Stolp i utverzhdienie istiny: Opyt pravoslavnoj teodicei* [The Pillar and Ground of the Truth: The Experience of Orthodox Theodicy] / P. A. Florensky. – M.: OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. – 640 s.
10. Losev, A. F. *Zhizn'* [Life] / A. F. Losev // «Ya soslan v XX vek...» [I'm exiled to the XX century...]: v 2 t. – T. 1. – M.: Vremya, 2002. – S. 504-554.
11. Schelling, F. W. *Filosofiya iskusstva* [The Philosophy of Art] / F. W. Schelling. – M.: Mysl', 1966. – 496 s.
12. Todorov, T. *Teorii simvola* [Theories of the Symbol] / T. Todorov. – M.: Dom intellektual'noj knigi, Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1998. – 408 s.
13. Losev, A. F. *Dialektika mifa* [The Dialectics of Myth] / A. F. Losev. – M.: Mysl', 2001. – 560 s.

Сведения об авторе:

Фёдоров Сергей Владимирович – соискатель ученой степени кандидата наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, кафедра философии, г. Омск, E-mail: jettull@mail.ru